

Дубровко Е. Н.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬШИ В ОЦЕНКАХ БРИТАНСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КРУГОВ НАКАНУНЕ ЛОКАРНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1925 г.

На основе документов Форин офис, британского Кабинета, парламента проанализированы оценки представителями британских правительственных кругов места и роли Польши в европейских отношениях; показано, что доминирующее влияние на них оказывали экономические интересы, представления о задачах по обеспечению национальной безопасности и традиция выстраивать европейскую политику исключительно с учётом отношений с «великими державами».

Ключевые слова: Великобритания, внешняя политика, Польша, международные отношения, Женевский протокол 1924 г., Локарнская конференция 1925 г.

Для современной российской исторической науки характерны, по словам А.Ю. Прокопова, изучение и анализ британской политики межвоенного времени в рамках её «главных направлений»: отношений Великобритании с Германией, Францией, Советской Россией¹. На это указывает тематика появляющихся статей и диссертационных исследований², а также содержание работ, посвящённых внешней политике Великобритании межвоенных лет³. Подобная установка характерна преимущественно и для английской историографии⁴. Британская же политика в отношении других европейских стран гораздо реже становится объектом научного интереса современных российских историков, хоть нельзя не отметить появляющийся интерес к прибалтийскому⁵, а также польскому вектору⁶. Он свидетельствует об

¹ Прокопов А. Ю. Европейское направление британской внешней политики в 1920-х годах // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №2. С. 112–119.

² Рыбаков С. В. Действия и мотивация британской дипломатии в период между двумя мировыми войнами // Вестник Брянского госуниверситета. 2016. № 3. С. 54–59; Магадеев И. Э. Взаимодействие Великобритании и Франции в сфере безопасности в 1920-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.; Василенкова А. А. Англо-советские отношения в 1918–1924 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2007.

³ Демидов, С. В. Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII–XX веков. Рязань, 2017. С. 98–136.

⁴ Carr E. H. Britain. A Study of Foreign Policy from the Versailles Treaty to the Outbreak of War. London; New-York; Toronto, 1939; Mowat Ch. L. Britain between the Wars, 1918–1940. London, 1955; Kennedy P. Strategy and Diplomacy, 1870–1945. London, 1989; Lowe C.J., Dockrill M. L. The Mirage of Power. London, 2002. Vol. 2.

⁵ Пруцкова А. В. Политика Великобритании в Прибалтике в период между мировыми войнами: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2000.

⁶ Колмагоров К. Н. Польский вопрос во внешней политике Англии (1914–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2004.

актуальности расширения тематики работ в сфере европейской политики Великобритании 1920-х годов. Одновременно происходит переоценка факторов, влиявших на британскую политику в отношении региона Центральной и Восточной Европы. В частности, крупнейший специалист по истории внешней политики Великобритании академик В. Г. Трухановский подчёркивал, что в преддверие Локарнской конференции Великобритания добивалась такого урегулирования отношений между Францией и Германией, которое укрепило бы Германию против СССР и против Франции; «восточноевропейских союзников Франции» при этом следовало оставить «беззащитными», так как «немцы, получив выход на восток, не будут помышлять о выступлении против Англии и Франции»⁷. Современные российские специалисты в сфере истории внешней политики Великобритании, хорошо знакомые с наработками зарубежной историографии и открытыми для анализа английскими документальными источниками отходят от таких однозначных оценок. Так профессор Н. К. Капитонова пишет, что консервативные кабинеты Великобритании прежде всего стремились к поддержанию стабильности в Европе, рассматривая её в качестве залога успешной политики за пределами Европы⁸. Профессор Е. Ю. Сергеев поддерживает мнение о том, что создание и временная стабилизация Версальско-Вашингтонской системы к середине 1920-х гг. были достигнуты главным образом благодаря усилиям Великобритании⁹. Профессор О. А. Аршинцева также признаёт наличие конструктивных начал британской внешней политики, более того, лидирующую роль Великобритании в экономической и политической стабилизации в Европе в первой половине 1920-х гг.¹⁰. Наряду с профессором О. А. Аршинцевой, обратившей внимание коллег на важную роль Локарнской конференции, показавшей, что укрепление мира и безопасности в Европе возможно лишь на пути взаимных уступок и роста доверия между странами¹¹, проявили интерес к этому сюжету и другие специалисты в области внешней политики Великобритании. Например, профессор С. В. Демидов с своей работе показывает, что Локарнский договор способствовал установлению баланса сил на европейском континенте при посредничестве Великобритании¹². Профессор Е. В. Хахалкина выдвинула гипотезу, что договорённости Локарнской конференции заменили Версальскую систему в качестве основного механизма поддержания безопасности в регионе,

⁷ Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939 гг.). М., 1962. С. 145–146.

⁸ Капитонова Н. К. История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 338–339.

⁹ Сергеев Е. Ю. Политика Великобритании в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, 1919–1922 гг. // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений) : материалы междунар. науч. конф. Тамбов, 2009. С. 47–50.

¹⁰ Аршинцева О. А. Великобритания и проблема стабилизации Версальского миропорядка в первой половине 1920-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. Т. 2. С. 157–162.

¹¹ Аршинцева О. А., Глушков А. Е. Локарно, 80 лет назад // Известия АлтГУ. 2005. №4. С. 7–11.

¹² Демидов С. В. От Версаля до Локарно: внешняя политика и дипломатия Великобритании (1919–1925) // Российский научный журнал. 2009. №6 (13). С. 108.

при этом Великобритания выступила в роли «главного архитектора» этой конференции¹³. Указанные авторы обратили внимание на наличие у представителей британской политической элиты разных подходов к реализации главных направлений европейской политики, что говорит об актуальности более глубокого изучения обстоятельств выработки внешнеполитических решений официальным Лондоном.

Учитывая все обозначенные тенденции в современной российской историографии, представляется актуальным обратиться к анализу оценок представителями британских правительственных кругов места и роли Польши в международных отношениях в Европе в канун Локарнской конференции. Надо отметить, что этот сюжет не получил должного внимания и объективной оценки в исторических исследованиях польских историков. При том, что они достаточно подробно рассматривали англо-польские отношения межвоенного времени, интерес их, по большей части, был направлен на внешнюю политику Польши и её национальные приоритеты¹⁴. Представляется, что решение указанной исследовательской задачи позволит лучше понять мотивацию британских дипломатов и политиков середины 1920-х гг., расширить знания об обстоятельствах рождения «духа Локарно» в европейских отношениях, а также о месте и роли в этом процессе одной из крупнейших стран региона Центральной и Восточной Европы — Польши.

Источниками для нашей работы стали внутриведомственная переписка и документация Форин офис, британского правительства, польского министерства иностранных дел, материалы парламентских дебатов в Великобритании за период с ноября 1924 г. по октябрь 1925 г.

4 ноября 1924 г. в Великобритании сменилось правительство, пост главы внешнеполитического ведомства занял Дж. О. Чемберлен. Накануне первой встречи польского посла в Лондоне с новым главой Форин офис министр иностранных дел Польши А. Скшиньски подготовил для посольства ряд рекомендаций. Их содержание позволяет выделить те аспекты международных отношений в Европе, в которых, по его мнению, соприкасались и польские, и английские интересы. Во-первых, факт франко-польского союза 1921 г. представлял Польшу в восприятии Англии в качестве французского сателлита. В этой связи А. Скшиньски предлагал послу подчёркивать, что польское государство ведёт не «французскую», а вполне самостоятельную политику. Во-вторых, польский министр отметил стремление Великобритании к нормализации торговых отношений в Европе, которое она связывала с

¹³ Хахалкина Е. В., Дзюба В. С. Локарнские соглашения 1925 г. в контексте трансформации версальской системы: взгляд из Лондона // Вестник Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. № 1 С. 157–195.

¹⁴ Piszczkowski T. Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich. Londyn, 1975; Baumgart M. Wielka Brytania a odrodzona Polska (1918 –1939). Szczecin, 1985; Nowak-Kielbikowa M. Polska – Wielka Brytania w dobie zabiegów o zbiorowe bezpieczeństwo w Europie 1923–1937. Warszawa, 1989; Kania K. Wielka Brytania 1918–1939 w świetle polskich źródeł dyplomatycznych. Toruń, 2007.

восстановлением довоенного положения Германии, то есть пересмотром Версальского договора. Польский министр иностранных дел писал, что Польша без борьбы не уступит полученные территории, что пересмотр договоров 1919–1920 гг. нанесёт удар по безопасности в Европе. Вместо этого он предлагал реконструкцию с помощью западных стран экономики польского государства и активизацию англо-польского финансового и экономического сотрудничества. В-третьих, глава польского внешнеполитического ведомства подчёркивал, что Великобритания пренебрегала сотрудничеством с Польшей в сфере «русской проблемы», но по этому пункту никаких конкретных предложений не выдвигал¹⁵.

Анализ документов британского Кабинета и Форин офис, относящихся ко времени от прихода к власти консерваторов в ноябре 1924 г. до начала Локарнской конференции в октябре 1925 г., показывает, что в выборе ключевых точек пересечения англо-польских интересов польский министр не ошибся. Оценки места и роли Польши в международных отношениях в Европе, высказанные в это время британскими дипломатами и политиками, были напрямую или опосредованно связаны с указанными аспектами. Появлению таких оценок способствовало обсуждение насущных внешнеполитических задач в Европе: вопроса о подписании Женевского протокола о мирном урегулировании международных конфликтов, принятого 2 октября 1924 г. на Ассамблее Лиги Наций, а также рассмотрение проектов гарантийного пакта как документальной основы безопасности на европейском континенте, завершившееся подписанием соглашений в Локарно.

Вопрос о подписании Женевского протокола Великобританией активно обсуждался в правительственных кругах в декабре 1924 г. При этом британские политики затрагивали и польскую тему. Например, занимавший пост Канцлера Казначейства У. Черчилль, высказывался против подписания протокола с чрезвычайно широкими гарантиями. Он указывал, что лучше подписывать региональные соглашения под эгидой Лиги Наций. Для сохранения мира в особо опасных точках, среди которых регион польско-германской границы фигурировал на втором месте по степени опасности после границы франко-германской, следовало предусмотреть создание демилитаризованных зон¹⁶. Дж. О. Чемберлен говорил о том, что подписание протокола с широким географическим охватом соответствует интересам Франции, так как она заинтересована в предоставлении гарантий целостности Польши, Чехословакии и в целом «восточной границы Европы» со стороны Британской империи, чтобы «облегчить своё бремя». При этом он отмечал, что население Великобритании не считает «восточную границу Европы» сферой непосредственных британских интересов, которая, по мнению самих

¹⁵ Depesze Poselstwa Rzeczypospolitej Polskiej w Londynie. Kraków, 2019. Т. 2. S. 274–275.

¹⁶ Cabinet Papers №101(25)–2900(25). P. 43–44. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-172.pdf>. (дата обращения: 18.03.2022).

британцев, собственно ограничена восточными границами Франции и стран, территории которых выходят к побережью пролива Ла-Манш¹⁷.

Очевидно, что не все члены Кабинета были достаточно информированы о международном положении в Центральной и Восточной Европе, чтобы сформировать свою собственную оценку ситуации в этом регионе. В этой связи Кабинет сделал особый запрос в Форин офис на подготовку меморандумов с информацией об актуальных договорах и соглашениях между странами указанного региона. Содержание последних подчёркивало наличие прочной связи Польши с Францией посредством системы договоров: франко-польского договора от февраля 1921 г. и серии конвенций, подписанных в 1921 – 1922 гг. По сведениям Форин офис они предполагали взаимопомощь в случае неспровоцированного нападения с третьей стороны, были направлены «против Германии в той же мере, что и против Советской России»¹⁸. Отдельно охарактеризованы в представленных меморандумах отношения Польши с «Балтийскими странами и Финляндией». Подчёркивалось, что, несмотря на ряд конференций, никаких результатов в плане военного сотрудничества достигнуто не было. Причину отсутствия соглашения авторы меморандума видят в том, что «в то время как для стран Балтии очевидно есть выгода от финской или польской военной поддержки, они мало или вообще ничего не могут предложить взамен»¹⁹.

После анализа текста Женевского протокола специально созданной комиссией во главе с секретарём Тайного совета М. Хэнки в январе 1925 г. было предложено взамен его представить в Лигу Наций проект англо-франко-бельгийского пакта или соглашения между этими сторонами с участием Германии²⁰. При обсуждении этого предложения в феврале 1925 г. международное положение Польши регулярно использовалось британскими политиками в качестве аргумента в пользу такого решения.

В меморандуме дипломата Г. Никольсона от 20 февраля 1925 г. отмечено, что Польша занимала шаткое положение по отношению не только к Германии, но и к России, что явно представляло собой дестабилизирующий фактор. С одной стороны, говоря о ситуации с Данцигским коридором и Верхней Силезией, Г. Никольсон писал о том, что Польша была восстановлена как независимое государство Версальским мирным договором, за счёт Германии ей был представлен доступ к морю и возможность использования порта Данцига (Гданьск). В Верхней Силезии после плебисцита, проведённого «среди суматохи и шума», Польша получила значительную часть минеральных ресурсов и большие анклавов, населённые немецким большинством. Он считал, что Германия не будет постоянно мириться с такой ситуацией. С другой стороны, по словам дипломата, вскоре «Россия может снова занять решающее место в балансе континентальных сил». Такая ситуация подталкивала его к

¹⁷ Там же. Р. 45–49.

¹⁸ Там же. Р. 77.

¹⁹ Там же. Р. 77–78.

²⁰ Там же. Р. 35–37.

ряду выводов. Во-первых, непредсказуемая ситуация в России требует выработки системы безопасности без её участия. Во-вторых, Германия после восстановления, вероятно, захочет изменить германо-польскую границу и, если Великобритания будет нейтральна, а Франция – изолирована, может попытаться напасть на Польшу. В-третьих, если Франции не предоставить гарантий против угрозы со стороны Германии, она будет вынуждена прибегнуть к мерам предосторожности, которые могут спровоцировать немецкий реваншизм²¹.

В свою очередь Р. Сесил в своих рассуждениях допускал возможность нового раздела Польши Германией и Россией, что составило бы опасность для Франции. Однако это предположение не рассматривалось в качестве повода для создания гарантий неприкосновенности границ в Центральной и Восточной Европе: «Наша власть ограничена, наш народ традиционно с недоверием относится к проблемам за рубежом. Кроме того, существуют трудности, вызванные мнениями и интересами наших Доминионов». Р. Сесил считал, что безопасность Польши вполне может быть гарантирована странами Центральной Европы и Франция²².

Свою оценку положения Польши в международных отношениях в Европе предложил и Канцлер казначейства У. Черчилль. В качестве основной угрозы безопасности в Европе он выделял франко-германский конфликт, указывая, что агрессия Германии против Польши более вероятна, чем немецкое вторжение на французскую или бельгийскую землю, и Франция могла бы истолковать его как принуждение к войне. В такой ситуации У. Черчилль выступал категорически против любых обязательств по отношению к Франции²³.

Итогом обобщения этих мнений стала оценка положения Польши, данная Дж. О. Чемберленом во время встречи с А. Скшиньским в Женеве в марте 1925 г. Британский политик не только охарактеризовал её положение как «постоянную опасность», поскольку Польша находится между «двумя великими державами», но и высказал своё мнение о перспективах польской политики: в интересах Польши — наладить отношения, по крайней мере, с одним из этих государств, причём легче это сделать с Германией, нежели с СССР. Одновременно он указал, что Польше не следует злоупотреблять своими союзническими отношениями с Францией и давить на союзницу, чтобы она отказалась от предложенного проекта соглашения, гарантирующего неприкосновенность только западных французских границ²⁴. Во-первых, характер этих заявлений можно объяснить позицией главы Форин офис по вопросу о политике в отношении России. Так в беседе с министром иностранных дел Латвии летом 1925 г. он отмечал, что любое совместное действие против Советской России считает ошибкой. Внешнее давление объединит все внутренние силы. По его мнению, лучшая политика в отношении

²¹ Там же. Р. 73–75.

²² Там же. Р. 100–101.

²³ Там же. Р. 115–116.

²⁴ Там же. Р. 283–284.

России – «оставить её одну и вынудить понять, что она в нас нуждается больше, чем мы в ней»²⁵. Во-вторых, беседы с французскими политиками показали Дж. О. Чемберлену, что позиция Франции по отношению к союзной Польше отличается некоторой двойственностью. По словам президента Франции Г. Думерга, Польша была избрана союзницей потому, что не реализовалась идея англо-американского гарантийного пакта, то есть Франция была вынуждена пойти на этот союз²⁶. При этом французский премьер Э. Эррио всё же говорил о сохранившейся необходимости действовать в дружественной манере по отношению к Польше, не покупать собственную безопасность ценой безопасности союзника²⁷. Когда же началось обсуждение конкретного содержания предстоящего пакта, французское посольство в секретном меморандуме сообщило британскому министерству иностранных дел, что французский проект готовится без согласования с польским правительством, а саму Польшу предполагалось ознакомить с ним позже²⁸. По мере согласования позиций о содержании гарантий между Великобританией и Францией более понятным становилось, в частности для главы Форин офис, что есть обстоятельства, в рамках которых Великобритания вынуждена была учитывать в своей политике статус Польши как союзника Франции. В частности, в своём письме из Женевы в сентябре 1925 г. Дж. О. Чемберлен писал, что «Франция дала понять, что есть предел, после которого она, при всей лояльности, не станет подчинять свои интересы неразумным требованиям поляков»²⁹. Это позволило и самому британскому дипломату несколько жёстче обозначить свою позицию и сказать А. Скшиньскому, что Великобритания на конференции в Локарно не будет настаивать на том, что исключены мирные способы изменения польско-германской границы³⁰.

24 марта 1925 г. Дж. О. Чемберлен выступал в британском парламенте в связи с отказом британского правительства подписать Женевский протокол. Это дало повод парламентариям высказать собственные оценки международной ситуации в Европе. Особое внимание в своём выступлении уделил Польше бывший премьер-министр Д. Ллойд Джордж, указавший, что границы в Центральной и Восточной Европе крайне взрывоопасны, и что связано это со сложной историей региона, со смешанным национальным составом населения, с вопросами национальной гордости и с религиозной нетерпимостью. При этом он подчеркнул, что положение вокруг Польши хуже всего: «Что там произошло? Эльзас-Лотарингия спровоцировали войну в Европе. У Польши есть пять Эльзас-Лотарингий – Восточная Галиция, Беларусь, Вильно, Коридор, Силезия – её это не устраивает, и теперь она хочет добавить шестую, Данциг».

²⁵ Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st Ser. London, 1984. Vol. 25. P. 915.

²⁶ Cabinet Papers №101(25)–2900(25). P.221–222.

²⁷ Там же. P. 357–358.

²⁸ Cabinet Papers №201(25)–300(25). P. 677. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-173.pdf>. (дата обращения: 18.03.2022).

²⁹ Documents on British foreign policy 1919–1939. 1st Ser. London, 1986. Vol. 27. P. 770.

³⁰ Там же. P. 773–775.

Основную угрозу миру он видел в том, что Россия не примет такие решения в качестве окончательных и может прямо поставить вопрос о их справедливости. Он заявлял, что угрозой для европейского мира представляет тот факт, что треть населения Польши удерживается в её составе силой оружия – это русские, литовцы, украинцы и немцы. Такую ситуацию не потерпят ни Россия, ни Германия, когда они «восстановят свою силу»³¹. Высказывания Д. Ллойд Джорджа однозначно не позволяют дать положительный ответ на вопрос, с которым польский министр иностранных дел А. Скиншиньски обратился к английскому посланнику ещё осенью 1924 г.: «Стало ли отношение к Польше более дружелюбным в Англии, ушли ли заявления о польском милитаризме и шовинизме?»³².

Польская тема была затронута и в высказывании депутата-консерватора В. Казалета, заявившего, что в Европе «у нас есть самая большая проблема из всех, больной и неприятный вопрос о Польше и ее границах». При всей симпатии к Польше, он подчёркивал, что, во-первых, «никто не может отрицать, что Германия никогда добровольно не согласится с ситуацией, которую она считает несправедливой»; во-вторых, британский народ «никогда не будет беспокоиться о небольшой малоизвестной части Европы, которая его мало волнует и в отношении принадлежности которой можно отстаивать разные точки зрения»; в-третьих, «в той же мере, в какой сохранение удовлетворённой (в плане полученных территорий – Е.Д.) Польши имеет большое значение для мира в Европе, так и существование обиженной Германии является постоянным камнем преткновения для достижения этой цели». В итоге, В. Казалет допустил в будущем изменение германо-польской границы при условии финансовой компенсации Польше³³.

Более информированные британские дипломаты и сотрудники Форин офис давали свои оценки отдельных аспектов международного положения Польши. Особенно много внимания уделялось проблемам польско-немецких отношений. Например, в октябре 1924 г. Р. Липер представил меморандум о положении в польской Верхней Силезии, где указал, что ситуация там ухудшается. «В экономике это связано с ростом цен на польский уголь, стремлением Германии использовать лишь свои угольные ресурсы, в политике – с местным польским шовинизмом». Главную причину он видел в «сочетании национальных и классовых чувств: польские рабочие не любят немецких нанимателей». Р. Липер признавал, что Германия чувствовала свою сильную позицию, уверенность в собственном быстром экономическом восстановлении. В связи с этим, по его мнению, политика Польши должна быть настолько сдержанной и разумной по отношению к Германии, насколько это возможно³⁴.

³¹ House of Commons Debates. March, 24. 1925. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/24/british-policy> (дата обращения: 18.03.2022).

³² Documents on ... Vol. 25. P. 813.

³³ House of Commons Debates. March, 24. 1925. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/24/british-policy> (дата обращения: 18.03.2022).

³⁴ Documents on ... Vol. 25. P. 808–809.

Посол в Варшаве У. Макс Мюллер писал, что основным камнем преткновения стало создание Данцигского коридора: «ни один немец не смирится с разделением Пруссии на две части, и если мирным путём не удастся преодолеть эту несправедливость, то рано или поздно может вспыхнуть война»³⁵. В свете этих оценок британский посол в Берлине Э. Д'Абернон предложил рассмотреть вариант отказа Польши от прав на коридор за компенсацию в виде передачи ей во владение порта Мемель (Клайпеда) или «коридора» в балтийском регионе, либо путём включения в Польшу Литвы в качестве автономной провинции³⁶.

Вынесение на повестку дня вопроса о гарантии германо-польской границы в ходе обсуждения проектов гарантийного пакта по признанию Дж. О. Чемберлена вызвало в Великобритании рост критики, которой время от времени подвергались те пункты Версальского договора, где оговаривались территориальные вопросы. Этот факт, как и появление разных проектов территориального переустройства, например, указанного выше, подтолкнул правительство Великобритании поручить экспертам Форин офис проанализировать обстоятельства установления текущей линии германо-польской границы³⁷. В результате него был подготовлен меморандум Дж. Хэдлам-Морли, советника Форин офис по вопросам истории, описывающий дискуссии на Парижской мирной конференции по вопросу Данцигского коридора. Автор меморандума охарактеризовал принятое на конференции решение как «меньшее из зол», а также отметил, что по ситуации на 1925 год реальных альтернатив этому решению нет. Приветствуемый в Германии вариант – предоставление Польше альтернативного выхода к морю в Мемеле (Клайпеде) – находится вне «практической политики» в связи с крайне враждебными отношениями между Литвой и Польшей. Предложение о «нейтрализации» Восточной Пруссии он также не оценил как рабочее потому, что, во-первых, оно не решало экономических проблем Германии, вызванных разделением, а во-вторых, так как проблема ущемления национальных чувств немцев всё равно сохранялась, что активизировало борьбу немцев за воссоединение. В целом, Дж. Хэдлам-Морли ратовал за сохранение существующего соглашения, причём учитывал и внутривнутриполитические интересы консервативного Кабинета: «изменения принесут новые проблемы, а мысль, что правительство Великобритании выступает за перемены, если она получит подтверждение, очевидно уменьшит уверенность в нашей политике и увеличит чувство общей нестабильности»³⁸.

Не иначе как досадную и появляющуюся время от времени «сложность» в реализации своей европейской политики оценивал позицию Польши и Дж. О. Чемберлен. При встрече с польским послом К. Скирмунтом он заявил, что «чем меньше мы будем слышать о польской границе в настоящее время, тем лучше с

³⁵ Documents on ... Vol. 27. P.330.

³⁶ Там же. P. 330.

³⁷ Там же. P. 610.

³⁸ Там же. P. 611–614.

точки зрения перспектив мира и дружественных договорённостей»³⁹. Глава Форин офис предпочитал придерживаться тактики давления на польских политиков. В частности, он заявил К. Скимунту 31 марта 1925 г., что хорошим началом для Польши будет «проявить больше терпения и доброй воли в таком хлопотном вопросе как Данцигский, и избегать действий, которые будут раздражать или оскорблять Германию»⁴⁰. Это при том, что из сообщений британского посланника в Варшаве было очевидно, что существовал высокий уровень недоверия к Германии со стороны Польши и её политического руководства⁴¹, что делало следование подобным советам проблематичным априори.

Понимание непримиримой позиции поляков вызывало у дипломатов Форин офис очевидное раздражение, которое нашло выражение во внутриведомственной переписке весной 1925 г. В письме У. Макс Мюллеру британский дипломат М. Лэмпсон писал: «Поляки не могут получить всё сразу. У поляков нет повода жаловаться. Наоборот, мы получили от Германии отказ от намерения использовать силу для изменения восточной границы. Остаётся наблюдать как (если вообще как-то) это формальное заверение Германии можно лучше воплотить в общем урегулировании, к которому, мы надеемся, немецкие предложения приведут»⁴².

Активизация балтийского вектора польской политики в середине 1920-х гг., например, проведение конференции в январе 1925 г. в Гельсингфорсе (Хельсинки), подтолкнула британских дипломатов к анализу ситуации в балтийском регионе. В частности, в феврале 1925 г. Р. Липер подготовил меморандум по проблеме безопасности в Восточной Европе. Он обозначил, что безопасность Польши тесно связана с безопасностью трёх стран Балтии. В качестве главных сил в Восточной Европе дипломат определил Россию, которая «оторвана от западной цивилизации» и «будет враждебна развитию Европы по линии Лиги Наций», и Германию, которая является европейской державой, но на текущий момент чувствует себя оторванной и склонна к «заигрываниям с большевиками» в надежде на получение поддержки для противодействия реализации Версальского договора. По мнению Р. Липера Польша и Балтийские страны представляют собой «кольцо государств», которые «отделяют Россию от Германии, находятся в условиях постоянного беспокойства, что заставляет их искать защиты либо у Лиги Наций в целом, либо у Великобритании в частности»⁴³. Эти страны «обязаны своей важностью геополитическому положению и с политической точки зрения обеспечивают завидный пункт наблюдения за ситуацией в Восточной Европе»⁴⁴. Анализируя положение собственно Польши, Р. Липер писал, что это «самое сильное,

³⁹ Documents on ... Vol. 25. P. 880–881.

⁴⁰ Documents on Vol. 27. P. 448.

⁴¹ Там же. P. 460.

⁴² Там же. P. 505.

⁴³ Documents on Vol. 25. P. 851–852.

⁴⁴ Там же. P. 852–853.

разумное и стабильное из граничных государств. Любая политика в Восточной Европе должна основываться на нём»⁴⁵. На вопрос о том, какую поддержку может дать Великобритания Польше, автор меморандума также дал ответ. Он исходил из уверенности в том, что на текущий момент на «восточноевропейском фронте сложилось военное равновесие, которое устраняет возможность войны», поэтому Великобритании следует перенести акцент в своей политике в Восточной Европе с России на пограничные государства: «До сих пор политика правительства Великобритании концентрировалась на достижении взаимопонимания с Москвой. Опыт показал невозможность такой политики <...> европеизация России должна достигаться опосредованно через пограничные государства, а не прямо через Москву»⁴⁶. Р. Липер выступал за активизацию экономических связей с «пограничными государствами». При этом он указывал на опасность открытой поддержки этих государств, поскольку она может вызвать беспокойство России и Германии, «где её интерпретируют как политику окружения». Такая ситуация спровоцирует российско-германское сближение⁴⁷. Британский дипломат предложил использовать Польшу в качестве рынка и базы для последующего проникновения на рынок России «с помощью польского, латышского и эстонского персонала, знающего Россию»⁴⁸. Однако не все сотрудники дипломатического ведомства рассматривали эти рекомендации как действенные. В частности, британский дипломат О. О'Мэлли в комментарии к этому меморандуму отметил, что абстрактные предложения Р. Липера сложно воплотить, так как политическая нестабильность в регионе удерживала британских промышленников и финансистов от активной деятельности⁴⁹. Высказал свою позицию по содержанию меморандума и Дж. О. Чемберлен, выразив благодарность автору и «настоятельно порекомендовав Департаменту торговли предпринять усилия по развитию коммерческих отношений»⁵⁰. В целом, доклад не остался незамеченным и очевидно оказал влияние на политику Великобритании в регионе в середине 1920-х гг. В свете его содержания понятно, почему потенциальная возможность сближения между Польшей и Советской Россией, которая по мнению У. Макс Мюллера наметилась в связи с приездом Г. Чичерина в Варшаву в конце сентября 1925 г. в условиях усилившегося в этих странах накануне Локарнской конференции страха оказаться в изоляции, вызывала у британского посланника в Варшаве опасения, о которых он сообщал главе Форин офис⁵¹. Излишнее сближение Польши с Советской Россией не способствовало бы выполнению ею обозначенной Р. Липером роли в Восточной Европе.

⁴⁵ Там же. Р. 854–855.

⁴⁶ Там же. Р. 855–856.

⁴⁷ Там же. Р. 856.

⁴⁸ Там же. Р. 856.

⁴⁹ Там же. Р. 858.

⁵⁰ Там же. Р. 858.

⁵¹ Там же. Р. 933–934.

В контексте оценки ситуации в Балтийском регионе объектом особого внимания британских дипломатов были враждебные отношения между Польшей и Литвой, обусловленные претензиями обеих стран на территорию вокруг города Вильно (Вильнюс), которую в конце 1922 г. фактически заняла Польша. Общую оценку им дал британский дипломат Р. Липер, назвав их «слабым звеном в цепи государств, которые отделяли Россию от Германии»⁵². Дж. О. Чемберлен занял однозначную позицию в отношении польско-литовского конфликта. В январе 1925 г. он писал британскому представителю в странах Балтии, что «устоявшаяся политика Великобритании – не вмешиваться в урегулирование сложностей в Центральной Европе больше, чем это необходимо для защиты британских интересов»⁵³. Однако Польша продолжала привлекать внимание Великобритании к проблеме польско-литовских отношений. Летом 1925 г., когда обсуждался вопрос о передаче Литве суверенитета над Мемелем (Клайпеда), Польша обратилась к Конференции послов с просьбой отложить эту передачу до урегулирования ряда спорных вопросов. Это обращение было негативно воспринято в Великобритании, так как решение этого вопроса было связано с её непосредственными экономическими интересами. Дж. О. Чемберлен писал послу в Париже Р. Крю, что он против откладывания передачи Литве суверенитета над Мемелем (Клайпедой) и напоминал об «особых интересах Великобритании», связанных с обязательствами британской фирмы по закупке древесины, которым противоречат предусмотренных конвенцией обязательств по транзиту⁵⁴. Тогда же в беседе с министром иностранных дел Латвии он говорил, что интерес Великобритании в балтийских странах был, прежде всего, интересом торговой нации, которому соответствовало урегулирование отношений между Польшей и Литвой⁵⁵.

Исходя из содержания приведённых высказываний и политических шагов, предпринятых Великобританией для реализации её проекта создания системы безопасности в Европе в канун Локарно, можно умозаключить, что доминирующее влияние на оценку места и роли Польши в европейских отношениях со стороны британских правительственных кругов в это время оказывали текущие экономические интересы Великобритании, представления о задачах по обеспечению национальной безопасности и традиция выстраивать европейскую политику исключительно с учётом отношений с «великими державами». Наиболее очевидное отражение последняя тенденция нашла в беседе Дж. О. Чемберлена с министром иностранных дел Латвии летом 1925 г. В ходе неё, комментируя ситуацию в связи с готовящимся гарантийным пактом, британский политик заявил, что «подписание такого соглашения великими державами находится в интересах меньших народов», и отметил, что не считает, будто угроза миру в Европе проистекает из факта существования

⁵² Там же. Р. 858–860.

⁵³ Там же. Р. 827.

⁵⁴ Там же. Р. 906–907.

⁵⁵ Там же. Р. 915.

малых государств, но «они точно окажутся вовлечёнными в общеевропейскую войну и могут легко сгинуть в такой катастрофе. Потому в их интересах усиление безопасности для предотвращения войны между крупными державами⁵⁶. В таких обстоятельствах британские политики допускали определённое пренебрежение интересами Польши, настолько, насколько это соответствовало британским интересам. Как справедливо отметил У. Макс Мюллер: «Сейчас поляки спрашивают себя, до какого предела их интересы могут быть проигнорированы союзными державами (так в британских документах 1920-х гг. традиционно называли государства, подписавшие Версальский мирный договор с Германией, прежде всего, Великобританию, Францию и Италию – Е.Д.) в их желании скорейшего урегулирования отношений с Германией»⁵⁷.

Источники

- Cabinet Papers № 101 (25) – 2900 (25). [Электронный ресурс] URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-172.pdf> (дата обращения: 18.03.2022).
- Cabinet Papers № 201 (25) – 300 (25). [Электронный ресурс] URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-173.pdf> (дата обращения: 18.03.2022).
- Depesze Poselstwa Rzeczypospolitej Polskiej w Londynie. Kraków, 2019. Т. 2.
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. London, 1984. Vol. 25.
- Documents on British Foreign Policy 1919–1939. 1st Ser. London, 1986. Vol. 27.
- House of Commons Debates. March, 24. 1925. [Электронный ресурс] URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1925/mar/24/british-policy> (дата обращения: 18.03.2022).

Литература

- Аршинцева О. А.* Великобритания и проблема стабилизации Версальского миропорядка в первой половине 1920-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. Т. 2. С. 157–162.
- Аршинцева О. А., Глушков А. Е.* Локарно, 80 лет назад // Известия АлтГУ. 2005. №4. С. 7–11.
- Василенкова А. А.* Англо-советские отношения в 1918-1924 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2007.
- Демидов С. В.* От Версаля до Локарно: внешняя политика и дипломатия Великобритании (1919 -1925) // Российский научный журнал. 2009. №6 (13). С. 108.
- Демидов С. В.* Внешняя политика и дипломатия Великобритании между двумя мировыми войнами // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII-XX веков. Рязань, 2017. С. 98–136.

⁵⁶ Там же. Р. 914.

⁵⁷ Там же. Р. 801.

- Капитонова Н. К.* История внешней политики Великобритании: учебник. М., 2016. С. 338–339.
- Колмагоров К. Н.* Польский вопрос во внешней политике Англии (1914–1921 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2004.
- Магадеев, И. Э.* Взаимодействие Великобритании и Франции в сфере безопасности в 1920-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.
- Прокопов А. Ю.* Европейское направление британской внешней политики в 1920-х годах // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №2. С. 112–119.
- Пруцкова А. В.* Политика Великобритании в Прибалтике в период между мировыми войнами: дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2000.
- Рыбаков С. В.* Действия и мотивация британской дипломатии в период между двумя мировыми войнами // Вестник Брянского госуниверситета. 2016. № 3. С. 54–59.
- Сергеев Е. Ю.* Политика Великобритании в период становления Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, 1919–1922 гг. // Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений): Материалы междунар. науч. конф. Тамбов, 2009. С. 47–50.
- Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939 гг.). М., 1962. С. 145–146.
- Хахалкина Е. В., Дзюба В. С.* Локарнские соглашения 1925 г. в контексте трансформации версальской системы: взгляд из Лондона // Вестник Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. № 1 С. 157–195.
- Baumgart M.* Wielka Brytania a odrodzona Polska (1918 –1939). Szczecin, 1985.
- Carr E. H.* Britain. A Study of Foreign Policy from the Versailles Treaty to the Outbreak of War. London ; New-York ; Toronto, 1939.
- Kania K.* Wielka Brytania 1918–1939 w świetle polskich źródeł dyplomatycznych. Toruń, 2007.
- Kennedy P.* Strategy and Diplomacy, 1870–1945. London, 1989.
- Lowe C. J., Dockrill M. L.* The Mirage of Power. London, 2002. Vol. 2.
- Mowat Ch. L.* Britain between the Wars, 1918–1940. London, 1955.
- Nowak-Kielbikowa M.* Polska – Wielka Brytania w dobie zabiegów o zbiorowe bezpieczeństwo w Europie 1923–1937. Warszawa, 1989.
- Piszczkowski T.* Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich. Londyn, 1975.

Дубровко Елена Николаевна, доцент кафедры всеобщей истории, кандидат исторических наук, доцент (Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель, Белоруссия); эл. почта: e_dubrovko@tut.by

Poland in International Relations in Europe: British Government Circles Assessments on the Eve of the Locarno Conference of 1925

The article is devoted to the identification and analysis of assessments by representatives of British government circles of Poland place and role in international relations in Europe on the eve of the Locarno Conference.

The sources for the work were the documents of the Foreign Office, the Cabinet, and the parliamentary debates materials for the period from November 1924 to October 1925.

The emergence of Cabinet members and parliamentarians assessments of Poland's place and role in international relations was facilitated by the solution of current foreign policy tasks in Europe: discussion of the Geneva Protocol, adopted on October 2, 1924 at the Assembly of the League of Nations, signing. After the UK's rejection of it, guarantee pact drafts discussion, which ended with the signing of agreements in Locarno. The assessments made at the time were directly or indirectly related to such aspects of international relations as Polish-German, Polish-French relations, Poland's relations with the Baltic countries, primarily Lithuania, and policy towards Soviet Russia.

It is shown that the dominant influence on the assessment of Poland's place and role in European relations by the British government circles at that time was exerted by current economic interests, ideas about national security tasks and the tradition of focusing in European politics exclusively on the "great powers", which led to some disregard for the interests of Poland.

Key words: Great Britain, Poland, international relations, the Geneva Protocol of 1924, the Locarno Conference of 1925.

Alena Dubrouka, Associate Professor of General History Department, Candidate of Historical Sciences, Docent (Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus), e-mail: e_dubrovko@tut.by

References

- Arshinceva O. A.* Velikobritaniya i problema stabilizacii Versal'skogo miroporyadka v pervoj polovine 1920-h gg. // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 3. T. 2. S. 157–162.
- Arshinceva O. A., Glushkov A. E.* Lokarno, 80 let nazad // Izvestiya AltGU. 2005. №4. S. 7–11.
- Vasilenkova A. A.* Anglo-sovetskie otnosheniya v 1918-1924 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Vladimir, 2007.
- Demidov S. V.* Ot Versalya do Lokarno: vneshnyaya politika i diplomatiya Velikobritanii (1919 -1925) // Rossijskij nauchnyj zhurnal. 2009. №6 (13). S. 108.

- Demidov S. V.* Vneshnyaya politika i diplomatiya Velikobritanii mezhdru dvumya mirovymi vojnami // Aktual'nye problemy istorii Velikobritanii XVII-XX vekov. Ryazan', 2017. S. 98–136.
- Kapitonova N. K.* Istoriya vneshnej politiki Velikobritanii: uchebnyk. M., 2016. S. 338–339.
- Kolmagorov K. N.* Pol'skij vopros vo vneshnej politike Anglii (1914–1921 gg.): dis. ... kand. ist. nauk. Kaliningrad, 2004.
- Magadeev, I. E.* Vzaimodejstvie Velikobritanii i Francii v sfere bezopasnosti v 1920-e gody: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2012.
- Prokopov A. Yu.* Evropejskoe napravlenie britanskoj vneshnej politiki v 1920-h godah // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2012. №2. S. 112–119.
- Pruckova A. V.* Politika Velikobritanii v Pribaltike v period mezhdru mirovymi vojnami: dis. ... kand. ist. nauk. SPb, 2000.
- Rybakov S. V.* Dejstviya i motivaciya britanskoj diplomatii v period mezhdru dvumya mirovymi vojnami // Vestnik Bryanskogo gosuniversiteta. 2016. № 3. S. 54–59.
- Sergeev E. Yu.* Politika Velikobritanii v period stanovleniya Versal'sko-Vashingtonskoj sistemy mezhdunarodnyh otnoshenij, 1919–1922 gg. // CHicherinskie chteniya. Rossiya i mir posle Pervoj mirovoj vojny (k 90-letiyu okonchaniya vojny i podpisaniya poslevoennyh soglashenij): Materialy mezhdunar. nauch. konf. Tambov, 2009. S. 47–50.
- Truhanovskij V. G.* Vneshnyaya politika Anglii na pervom etape obshchego krizisa kapitalizma (1918–1939 gg.). M., 1962. S. 145–146.
- Hahalkina E. V., Dzyuba V. C.* Lokarnskie soglasheniya 1925 g. v kontekste transformacii versal'skoj sistemy: vzglyad iz Londona // Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2021. № 1 S. 157–195.
- Baumgart M.* Wielka Brytania a odrodzona Polska (1918 –1939). Szczecin, 1985.
- Carr E. H.* Britain. A Study of Foreign Policy from the Versailles Treaty to the Outbreak of War. London ; New-York ; Toronto, 1939.
- Kania K.* Wielka Brytania 1918–1939 w świetle polskich źródeł dyplomatycznych. Toruń, 2007.
- Kennedy P.* Strategy and Diplomacy, 1870–1945. London, 1989.
- Lowe C. J., Dockrill M. L.* The Mirage of Power. London, 2002. Vol. 2.
- Mowat Ch. L.* Britain between the Wars, 1918–1940. London, 1955.
- Nowak-Kielbikowa M.* Polska – Wielka Brytania w dobie zabiegów o zbiorowe bezpieczeństwo w Europie 1923–1937. Warszawa, 1989.
- Piszczkowski T.* Anglia a Polska, 1914–1939. W świetle dokumentów brytyjskich. Londyn, 1975.